

МРНТИ 11.25.91

К.У. Майгельдинов, Е.Л. Нечаева

*Кафедра политологии Евразийского национального университета имени
Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: mszkaz@yandex.ru, elenech@inbox.ru)*

Геополитическое противостояние США и КНР в Афганистане в контексте интересов Китая в Центральной Азии

Аннотация. В статье описывается борьба интересов США и растущего Китая вокруг Афганистана. В конце 2018 года администрация Трампа озвучила возможность существенного сокращения своего воинского контингента в Афганистане. Это может стать причиной дальнейшей дестабилизации страны, которая может угрожать региональной безопасности стран Центральной Азии. Как следствие, любая нестабильность в центральноазиатском регионе может дестабилизировать запад Поднебесной и всерьез угрожать воротам Китая в Евразию. При этом движущей силой китайской стратегии в Центральной Азии становится всевозрастающая потребность в энергоресурсах, проявившаяся в процессе чрезвычайного роста экономики. В связи с этим обеспечение прочных позиций и предотвращение доминирования третьей стороны в регионе становится главными задачами политики КНР в Центральной Азии.

Ключевые слова: Китай, США, Центральная Азия, Афганистан, газопровод, ТАПИ.

DOI: <https://doi.org/10.32523/26-16-6887/2019-128-3-58-65>

Введение. Предпосылками к масштабной дестабилизации в Афганистане являются обостряющиеся противоречия разнокалиберных игроков вокруг этой мусульманской страны в условиях уже существующих военных и политических очагов напряженности на всем пространстве Азии. В их числе есть как мировые, так и региональные державы – США, ЕС, Китай, Россия, Пакистан, Индия, Иран, Турция, Саудовская Аравия и др. Так, в настоящее время основным фактором влияния на мировые процессы является *геополитическое противостояние США и Китая*, которое отражается на ситуациях в различных регионах. Прежде всего, противоречия двух великих держав фокусируются на их длительной борьбе за влияние на богатые сырьем государства Азии, Африки и Латинской Америки. Наиболее острый конфликтный потенциал содержат их противоречия вблизи границ Поднебесной – в Юго-Восточной и других частях Азии, где сосредоточены месторождения природных ископаемых или проходят маршруты их доставки. В связи с этим нельзя не отметить появившиеся в последние годы фундаментальные исследования в области международных отношений и регионалистики. В частности, нашедшие отражение в трудах Я.М.Бергера [1], Р.Медведева [2], Ю.М. Галенович [3], Э.Люттвак [4] и других ученых.

Что касается Афганистана, который в геополитике справедливо называется «Сердцем Азии» из-за выгодного геостратегического положения, то сегодня это многострадальное мусульманское государство представляет для всех держав еще большую ценность, чем в XIX веке.

Во-первых, традиционно с его территории можно все также взаимодействовать со странами важнейших регионов мира (Средний Восток, Восточная Азия и мусульманские республики постсоветского пространства), влиять на них, контролировать их процессы и коммуникации на всех направлениях, но уже более активно и более масштабно.

Во-вторых, только во второй половине XX века на территории Афганистана

постепенно обнаруживались, но почти не разрабатывались из-за труднодоступности залежи нефти, газа, угля, соли, меди, железа, кобальта, олова, марганца, золота, а также легкого металла лития, необходимого для производства батарей. Кроме того, страна оказалась богата изумрудами, аметистом, яшмой, лазуритом, мрамором, гранитом.

В-третьих, обретение политической независимости богатыми нефтью и газом постсоветскими республиками Центральной Азии усилило важность транзитного потенциала соседних стран и регионов, включая Афганистан, Пакистан, Иран, Закавказье и Турцию в плане вывода экспортных маршрутов транспортировки углеводородов в Южную Азию и к побережью Индийского океана, на Средний Восток и в Европу.

Здесь не удивительно, что 40 лет назад именно Афганистан стал территорией опосредованного или, в современном понимании, гибридного военного столкновения двух супердержав – СССР и США, которое не только полностью изменило политическую обстановку в этой стране, но и кардинально повлияло на региональные и геополитические процессы:

- возникновение и деятельность террористических организаций в соседних и далеких от Афганистана странах (*движение «Талибан», Аль-Каида, Исламское Движение Узбекистана*);

- центробежные процессы в республиках бывшего СССР;

- распад СССР и крушение двуполярного мира.

История. Трансафганский газопровод- инструмент геополитики.

В 90-х на просторах Евразии, в т.ч. постсоветском пространстве, усилились тренды, представляющие геополитический интерес для США:

- *расширение внешней активности нефтегазодобывающих стран Среднего Востока и Центральной Азии;*

- *усиление влияния Китая в странах Среднего Востока и Центральной Азии.*

Так, географическое положение Афганистана придало важность его роли в геоэнергетике начала 90-х, когда аргентинская компания «Бридас» совместно с богатыми углеводородами Туркменистаном и страдающим от нехватки энергоресурсов Пакистаном договорились построить газопровод через территорию Афганистана (*трансафганский газопровод - ТАФ*). Однако уже в 1994 году в Кабуле появилась известная аффилированностью с Белым домом американская нефтегазовая компания «Unocal», которая перехватила у компании Бридас управление проектом по прокладке ТАФ.

Между тем реализация этого масштабного проекта позволяла обеспечить туркменским газом гигантский энергетический рынок Южной Азии и дать серьезный толчок ускоренному развитию национальных экономик. В то же время контроль над потоками газа позволяет использовать ТАФ в качестве инструмента политического, экономического и идеологического давления на страны-потребители, страны-транзитеры и, конечно, страну-производителя.

Вполне естественно, что данное обстоятельство представляло стратегический интерес для США. Особенно это было актуально для глобального лидера в условиях стремительного роста экономики и активности КНР по всему миру в освоении новых рынков сбыта и новых источников энергоресурсов. При этом компании Китая уже демонстрировали расширение деятельности на нефтегазовом рынке Центральной Азии. В частности, в 1997 году на нефтяной рынок Казахстана вышла крупнейшая китайская компания CNPC.

Осенью 1997 года в Ашхабаде во главе с Unocal был учрежден международный консорциум Central Asia Gas Pipeline, Ltd. (*CentGas*) в составе Туркменистана, Пакистана, японских и южнокорейской компании. Как ни парадоксально, но в состав «CentGas» не был включен Афганистан, чьи интересы, по некоторым сведениям, «растворились» в доле

одного из участников [5].

Вместе с тем для прокладки газопровода существовали препятствия – сложная военно-политическая обстановка и разгул криминала. Лидеры «Талибан» в 1998 году предложили участникам консорциума подписать соглашение о строительстве ТАФ и обеспечить безопасность маршрута. Тем более что талибы контролировали больше 2/3 территории страны, имели контакты с заинтересованными внешними игроками и даже начали бороться с производством наркотиков.

В этом плане «Upocal» и стоящие за ней структуры США возлагали большие надежды на роль «Талибан» в стабилизации военно-политической обстановки для реализации энергетических планов, закрывая глаза на экстремистскую деятельность и поддерживая их интересы.

Однако крупное поражение пуштунских боевиков от движения «Талибан» в 1997 году при нападении на город Мазар-и-Шариф свидетельствовало об отсутствии у них поддержки среди северного населения Афганистана, возможности остановить гражданскую войну в стране и обеспечить безопасные условия для строительства газопровода. Все это привело к пересмотру Вашингтоном отношения к талибам и их непосредственным кураторам в лице Пакистана.

В 1998 году стало известно о предварительном соглашении Тегерана с Исламабадом и Дели по строительству газопровода из Ирана через территорию Пакистана в Индию (*ИПИИ* или «*Мир*»), а также о намерении Ашхабада проложить газопровод из Туркменистана в Иран и Турцию. Реализация этих проектов вкуче с китайскими могла существенно поменять энергетическую конфигурацию всей Евразии и мешать США устанавливать контроль над источниками энергоресурсов и маршрутами их транспортировки энергоресурсов для решения геополитических задач, в т. ч.:

- ограничение доступа Китая к источникам углеводородов для сдерживания роста его экономики;
- сдерживание растущего влияния Китая в мире, в т.ч. Центральной Азии;
- сдерживание внешнеполитических амбиций Ирана путем ограничения доступа его нефтегазового экспорта на крупнейшие рынки Азии – Китай, Индия, Пакистан и др.;
- усиление своего влияния на страны постсоветского пространства, Среднего Востока и Южной Азии для их удержания в своей орбите.

Неблагоприятное для Вашингтона развитие ситуации явно требовало от администрации Президента США Дж. Буша-младшего рассматривать *экономический рост Китая в качестве новой угрозы*.

Методы исследования. В данной статье использовались общелогические и общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, подходы теорий международных отношений, таких как неореализм, геополитический подход, подход школы международной политэкономии и неомарксизма.

Борьба на газовом рынке Азии. После отстранения талибов от центральной власти работа вокруг проекта активизировалась под контролем США и уже в 2002 году правительства Туркменистана, Пакистана и теперь Афганистана заключили Соглашение о строительстве ТАФ. К 2005 году было завершено ТЭО проекта, после чего к нему присоединилась Индия, огромный рынок которой мог гарантировать коммерческий успех газопровода. С этого времени газопровод приобрел аббревиатуру ТАПИ (*Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия*).

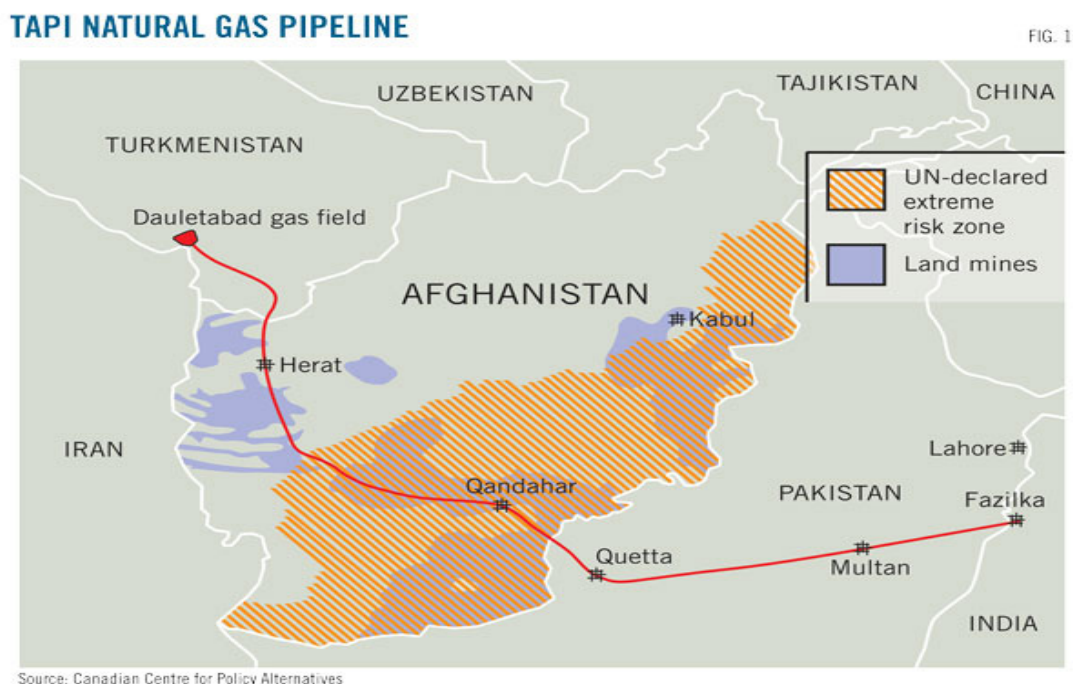

Рис. 1. Маршрут газопровода ТАПИ

ТАПИ – магистральный газопровод мощностью 33 млрд кубометров газа в год, протяжённостью почти 1 800 км от туркменского месторождения «Галкыныш» через афганские города Герат и Кандагар к населенному пункту Фазилка на границе Пакистана с Индией.

Пока участники проекта ТАПИ делали расчеты и начинали договариваться, *активность Пекина в Центральной Азии* была вознаграждена контрактами с Ашхабадом, а также с Ташкентом и Нур-Султаном о строительстве трёх веток газопровода из Туркменистана в Китай через территорию Узбекистана и Казахстана для поставок туркменского «голубого топлива» общей мощностью 55 млрд кубометров и протяженностью каждой из них в 1 830 км. План также предусматривал поставки узбекского и казахского газа.

Строительство началось в 2007 году: линия «А» – сдана в эксплуатацию в декабре 2009 года, «В» – в октябре 2010 года и «С» - в мае 2014 года. Пропускная способность линий «А» и «В» составляет 30 млрд куб. м в год, а линии С – 25 млрд куб. м газа. Все три ветки ориентированы на поставки в западные, центральные и южные районы Китая для обеспечения газоснабжением более 500 млн жителей.

Кроме того, в сентябре 2014 года Китай начал строительство ветки «D» мощностью 30 млрд куб. м протяженностью 1000 км через Узбекистан и высокогорье Таджикистана и Кыргызстана. Завершение работ намечено на 2020 год.

Пекином успешно согласован и реализуется проект по строительству сразу нескольких ниток газопровода «Средняя Азия – Китай», которые из Туркменистана проходят через Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Это означает, что Китай сумел добиться от стран, практически находящихся между собой в состоянии постоянных противоречий, *координации своей энергетической политики*. В частности, уже на постоянной основе функционируют транспортные коридоры из КНР через Казахстан и Центральную Азию в Европу. Тем самым китайское руководство сумело достичь *транзитной связанности*, чего не могли сделать европейские структуры в течение двух десятилетий в рамках таких программ, как ТРАСЕКА и др.

Помимо этого, в декабре 2018 года компания CNPC сообщила, что с 1 января по ноябрь 2018 года импортировала по магистральному газопроводу «Средняя Азия – Китай» 46,9 млрд куб. м природного газа, когда за весь 2017 год этот показатель составил 38,7 млрд куб. м. [6].

В настоящее время газовый рынок Китая является наиболее емким в мире и его потребности растут с каждым годом в сравнении с другими энергоносителями, что связано со структурными изменениями в экономике, снижением доли угля в энергобалансе и улучшением экологической обстановки в стране. Цель сегодняшней энергетической стратегии Китая – *увеличение доли природного газа в энергетическом балансе страны к 2030 году до 15%*.

По данным Академии общественных наук КНР, в 2018 году потребление газа в Китае составило 237,3 млрд куб. м, а к 2030 году спрос на природный газ возрастет до 520 млрд куб. м в год, к 2050 году – до 800 млрд куб. м в год [7].

В то же время растет импорт газа. В частности, по данным Brookings Institution, в 2018 году потребление в Китае выросло на 15%, а импорт – на 28%. В целом же зависимость страны от импорта выросла с нулевого значения в 2005 году до 39% в 2018 году [8].

При этом рынок Китая представляет важнейший интерес для американских нефтегазовых компаний, которые превращают США в крупнейшего производителя углеводородов в мире, в том числе сланцевых нефти и газа. В 2018 году Китай стал третьим крупнейшим импортером американского сжиженного природного газа после Мексики и Южной Кореи. Однако из начавшейся торговой войны между Вашингтоном и Пекином импорт американского сжиженного газа стал сокращаться.

На сегодня самым крупным и стабильным поставщиком газа в Китай является Туркменистан, доля которого в общем китайском импорте «голубого топлива» составляет более 1/3, а среди трубопроводного газа – близко к 90%, что еще не предел возможностей Ашхабада. Этот фактор стал основным для активности США вокруг ТАПИ.

Вместе с тем анализ свидетельствует, что еще большее беспокойство и активность США вызвала т. н. инициатива Пекина «Один пояс – один путь», направленная на соединение в единый мегарынок Китай, страны Азии, Европы и Африки, что создает реальные условия для глобального лидерства Поднебесной. Здесь важнейшими участками мегапроекта можно считать Пакистан, Афганистан и постсоветские страны Центральной Азии, через которые проходят или планируется проводить транспортные и энергетические коммуникации.

В частности, центральным звеном всей конструкции «Один пояс – один путь» является т.н. китайско-пакистанский экономический коридор, включающий разнообразные проекты, в т.ч. нефтегазовой сферы, реализация которых станет решающим прорывом в этой идеи Китая.

Газопровод ТАПИ, талибы и Китай. Строительство же ТАПИ с 2010 года постоянно откладывалось из-за сложной военно-политической обстановки, вызванной непрекращающимися боевыми действиями талибов. В 2012 – 2013 гг. Туркменистан подписал ряд соглашений с национальными компаниями Индии, Пакистана и Афганистана о купле-продаже газа, а в декабре 2015 года в туркменском городе Мары с их участием прошла церемония открытия строительства ТАПИ. Завершение строительства и поставки газа сдвинулись с 2017 года на 2020.

Между тем, как сообщил 1 марта 2016 года сайт Афганистан.ру, *представители «Талибана» приветствовали реализацию проекта газопровода ТАПИ*, а также энергетический проект CASA-1000, разработку горного месторождения Айнак и строительство ряда транспортных объектов, признавая их соответствующими интересам Афганистана. Кроме того, талибы выразили готовность участвовать в обеспечении безопасности проектов,

призвав приверженцев движения следовать этой линии.

В феврале 2018 года СМИ Ашхабада сообщили о завершении туркменского участка ТАПИ и начале строительства афганской части. В частности, 23 февраля в туркменском городе Серхетабаде в присутствии руководителей Туркменистана, Афганистана, Пакистана и государственного министра иностранных дел Индии был дан старт строительству газопровода по территории ИРА [9]. По данным СМИ, в Пакистане закончены все инженерно-изыскательные работы по своей части газопровода и идет подбор строительного подрядчика.

В ноябре 2018 года стало известно, что туркмены закупили у Саудовской Аравии трубы для своего отрезка газопровода, а в апреле 2019 года появились сведения о намерении Туркменистана закупить трубы для этого же объекта уже у Челябинского трубопрокатного завода (ЧТПЗ) [10]. *Данные обстоятельства говорят о сохраняющихся проблемах на территории Туркменистана.*

По сообщению афганского информагентства TOLO-News, 4 марта 2018 года в афганской провинции Герат группа из 70 боевиков движения «Талибан» сообщила властям, что желает сложить оружие в обмен на гарантии предоставления рабочих мест в проекте газопровода ТАПИ.

В январе 2019 года старейшины и авторитетные лидеры афганских племен, которые проживают на приграничных территориях с Туркменистаном и вдоль трассы газовой магистрали, также объявили о полной и широкой поддержке проекта ТАПИ.

Основным посылом в затянувшейся эпопее строительства ТАПИ стало прозвучавшее в ноябре 2018 года заявление Китая о готовности присоединиться к этому проекту в случае согласия его участников на прокладку газопровода по территории Пакистана к западной границе КНР. Заявление прозвучало после того, как Туркменистан заявил о значительном снижении стоимости строительства газопровода.

Очевидно, что такое изменение ситуации вокруг ТАПИ вполне удовлетворило бы с экономической, финансовой и организационной точек зрения Туркменистан, Афганистан и Пакистан, но мало вероятно устроит Индию. Однако важное то, что подобное никак не может быть принято главным неформальным бенефициаром ТАПИ – Соединенными Штатами, стремящимися как раз ограничить доступ Китая к источникам энергоресурсов и маршрутам их доставки. Возможно, что такая вполне реальная перспектива развития ТАПИ и в целом растущая роль Китая в регионе напугала Вашингтон и кардинально изменило его позицию по Афганистану, подвигнув на полный вывод войск и передачу ответственности за обстановку «Талибану».

Заключение. Таким образом, Афганистан сегодня интересен США возможностью влиять не только на геοэкономику и геοэнергетику, но и на военную, политическую, социально-экономическую и криминальную ситуации в странах Евразии, особенно, если задача контроля нефтегазовых и других коммуникаций не решается. А для этого у США уже есть третий вариант решения – использовать ИГИЛ, который уже несколько лет присутствует на территории Афганистана.

При этом Пекин сделал свои выводы из региональной конкуренции (*со стороны России и США*) и сейчас строит свою региональную политику более системно и последовательно – китайская сторона сейчас пытается *повысить взаимосвязанность (коннективити)* региона. В рамках инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) Китай впервые применил программно-концептуальный подход. Главным выводом первых лет реализации ЭПШП является тот факт, что *Китай готов и способен содействовать определенному объединению Центральной Азии под эгидой китайских интересов.*

Литература

1. Бергер Я.М. Эволюция геополитических взглядов в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. -2010. - №4. – С.28-37.
2. Медведев Р. Подъем Китая. – Litres. - 2019. – 699с.
3. Галенович Ю.М. Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. – Directmedia. – 2013. – 480 с.
4. Люттвак Э. Возвышение Китая наперекор логике стратегии. – 2017. – 350 с.
5. Бражников М. Трансафганский газопровод: намерения и реальность [Электрон.ресурс]. – 2002. – URL: <https://pravda.ru/world/7870-truba/> (дата обращения: 30.07.2019).
6. Китай продолжает увеличивать импорт газа из Средней Азии. [Электрон.ресурс]. – 2018. – URL:<https://ca-times.org/en/ekonomika/3250-kitay-prodolzhaet-uvelichivat-import-gaza-iz-sredney-azii.html> (дата обращения: 30.07.2019).
7. Китай вынужден пересмотреть условия покупки туркменского газа [Электрон.ресурс]. – 2018. – URL: <https://centralasia.news/2087-kitay-vynuzhden-peresmotret-usloviya-pokupki-turkmenskogo-gaza.html>. (дата обращения: 30.07.2019).
8. Потребление газа в Китае растет [Электрон.ресурс]. – 2018. – URL: <http://www.iarex.ru/news/60250.html> (дата обращения: 30.07.2019).
9. Реализуемый Туркменистаном проект ТАПИ начал приносить мир в Афганистан [Электрон.ресурс]. – 2018. – URL: <https://sng.today/ashkhabad/6330-realizuemyu-turkmenistanom-proekt-tapi-nachal-prinosit-mir-v-afghanistan.html> (дата обращения: 30.07.2019).
10. Туркменистан вновь закупил трубы для ТАПИ. Теперь из России [Электрон.ресурс]. – 2019. – URL: <https://www.hronikatm.com/2019/04/gas-pipes/>. (дата обращения: 30.07.2019).

К.У. Майгельдинов, Е.Л. Нечаева

*Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің саясаттану кафедрасы,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан*

Орталық Азиядағы Қытай мүдделерінің контекстіндегі АҚШ пен Қытайдың геосаяси қақтығысы

Андатпа. Мақалада Ауғанстан төңірегінде АҚШ пен өсіп келе жатқан Қытай мүдделері арасындағы күрес сипатталған. 2018 жылдың соңында Трамп әкімшілігі Ауғанстандағы әскери контингентін едәуір қысқарту мүмкіндігі туралы мәлімдеді. Бұл елдің одан әрі тұрақсыздануына алып келіп, Орталық Азия елдерінің аймақтық қауіпсіздігіне қатер төндіруі мүмкін. Нәтижесінде Орталық Азия аймағындағы кез-келген тұрақсыздық Аспан асты елінің батысын тұрақсыздандырып, Қытайдың Еуразия қақпасына айтарлықтай қауіп төндіруі мүмкін. Сонымен бірге, Орталық Азиядағы қытай стратегиясының қозғаушы күші кезектен тыс экономикалық өсу үрдісіне пайда болған энергияға деген сұраныстың өсуінде. Осыған байланысты берік ұстанымды қамтамасыз ету және аймақтағы үшінші тараптың үстемдігінің алдын алу Орталық Азиядағы ҚХР саясатының басты міндеттеріне айналуға.

Түйін сөздер: Қытай, АҚШ, Орталық Азия, Ауғанстан, газқұбыры, ТАПИ.

K.U. Maigeldinov, Ye.L.Nechayeva

*Political Science Department, L.N.Gumilyov Eurasian National University,
Nur-Sultan, Kazakhstan*

The geopolitical confrontation of the United States and China in Afghanistan in the context of China's interests in Central Asia

Abstract. The article describes the struggle between the interests of the United States and the growing China about Afghanistan. At the end of 2018, the Trump Administration announced the possibility of a significant reduction in its military contingent in Afghanistan. This may cause further destabilization of the country, which may threaten the regional security of Central Asian countries. As a result, any instability in the Central Asian region can

destabilize the west of the Middle Kingdom and seriously threaten the gates of China to Eurasia. At the same time, the driving force of the Chinese strategy in Central Asia is becoming an ever-increasing need for energy, which manifested itself in the process of extraordinary economic growth. In this regard, ensuring a strong position and preventing the domination of a third party in the region is becoming the main tasks of the PRC policy in Central Asia.

Keywords: China, USA, Central Asia, Afghanistan, gas pipeline, TAPI.

References

1. Berger Ya.M. Evolyutsiya geopoliticheskikh vzglyadov v Kitaye [The evolution of geopolitical views in China], Problemy Dal'nego Vostoka, 4, 28-37 (2010).
2. Medvedev R. Pod'ryem Kitaya [The rise of China] (Litres, 2019, 699 p.).
3. Galenovich Yu.M. Kitayskiye syuzhety. Chem dovolen i nedovolen Kitay [Chinese stories. What is satisfied and dissatisfied with China] (Directmedia, 2013, 480 p.).
4. Lyutvak E. Vozvysheniye Kitaya naperekor logike strategii [The rise of China contrary to the logic of strategy] 2017. 350 p.
5. Brazhnikov M. Transafganskiy gazoprovod: namereniya i real'nost'[Trans-Afghan gas pipeline: intentions and reality]. Available at: <https://pravda.ru/world/7870-truba/> (Accessed: 30.07.2019).
6. Kitay prodolzhaet uvelichivat' import gaza iz Sredney Azii [China continues to increase gas imports from Central Asia]. Available at: <https://ca-times.org/en/ekonomika/3250-kitay-prodolzhaet-uvelichivat-import-gaza-iz-sredney-azii.html>. (Accessed: 30.07.2019).
7. Kitay vynuzhden peresmotret' usloviya pokupki turkmenskogo gaza [China forced to reconsider Turkmen gas purchase conditions]. Available at: <https://centralasia.news/2087-kitay-vynuzhden-peresmotret-usloviya-pokupki-turkmenskogo-gaza.html> (Accessed: 30.07.2019).
8. Potrebleniye gaza v Kitaye rastet [China's gas consumption is growing] Available at: <http://www.iarex.ru/news/60250.html> (Accessed: 30.07.2019).
9. Realizuyemyy Turkmenistanom proyekt TAPI nachal prinosit' mir v Afganistan [Turkmenistan's TAPI project begins to bring peace to Afghanistan]. Available at: <https://sng.today/ashkhabad/6330-realizuyemyy-turkmenistanom-proekt-tapi-nachal-prinosit-mir-v-afganistan.html> (Accessed: 30.07.2019).
10. Turkmenistan vnov' zakupil truby dlya TAPI. Teper' iz Rossii [Turkmenistan again purchased pipes for TAPI]. Available at: <https://www.hronikatm.com/2019/04/gas-pipes/>. (Accessed: 30.07.2019).

Сведения об авторах:

Майгельдинов К.У. – докторант PhD по специальности «Политология», кафедра политологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, ул. Янушкевича, 6, Нур-Султан, Казахстан.

Нечаева Е.Л. – кандидат политических наук, зав.кафедрой политологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, ул. Янушкевича, 6, Нур-Султан, Казахстан.

Maigeldinov K.U. – PhD doctorate majoring in Political Science, Political Science Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Yanushkevich str., 6., Nur-Sultan, Kazakhstan.

Nechayeva Ye.L. – candidate in political sciences, Head of the Political Science Department, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Yanushkevich str., 6, Nur-Sultan, Kazakhstan.